

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

DOI: 10.24833/2410-2423-2022-4-33-116-128
УДК 81'25

RENDERING PERSONIFICATIONS IN THE 19TH CENTURY FRENCH TRANSLATIONS OF MIKHAIL LERMONTOV'S NOVEL "A HERO OF OUR TIME"

Evgeniya A. Solovyeva

Southern Federal University
93, Universitetski, Rostov-on-Don, 34406, Russia

Abstract. Metaphor is often viewed as a controversial research problem and is, undoubtedly, one of the greatest challenges in translation. As a type of metaphor, personification is a common literary device and the way of understanding and representing reality. In this paper, the author tries to provide a descriptive study of the translators' choices used for rendering the personifications in the translations of Mikhail Lermontov's novel "A Hero of Our Time". The current scrutiny is based on five French translations made during the 19th century by A. A. Stolypin (1843), J. - M. Chopin (1853), E. Scheffter (1855), X. Marmier (1856), and A. de Villamarie (1884). Comparative semantic and functional approach constitutes the framework for the study and aims at describing and analyzing the translators' choices. The typology of metaphor translation strategies suggested by R. Van den Broek completes the methodological basis. The back translation serves for a more explicit illustration of the acquired data. Our analysis shows that in most cases translators convey personification rather successfully. However, the translators' choices and resulting interpretations are likely to vary markedly. Along with that, the rendering personifications by a non-metaphorical expression are another quite well marked mode of translation, whilst the rephrasing by similes is of infrequent occurrence and is the least exploited one. The analysis of translations which are made at the periods close in time to the creation of the original is of undoubtedly scientific interest, because it conduces to better understanding of individual translator's decisions in relation to a historical and social context and offers interesting prospects for ulterior retrospective comparative study. The author intends to continue a more in-depth consideration of this problem in further researches.

Keywords: personification, literary translation, descriptive approach, translators' choices, M. Yu. Lermontov, "A Hero of Our Time", the French language

For citation: Solovyeva E.A. (2022). Rendering personifications in the 19th century French translations of Mikhail Lermontov's novel "A Hero of Our Time". *Linguistics & Polyglot Studies*, 8(4), pp. 116–128. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-116-128>

ПЕРЕДАЧА ПЕРСНИФИКАЦИИ ВО ФРАНКОЯЗЫЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ XIX СТОЛЕТИЯ РОМАНА М.Ю. ЛЕРМОНТОВА «ГЕРОЙ НАШЕГО ВРЕМЕНИ»

Е.А. Соловьева

Южный федеральный университет
344006, Россия, Ростов-на-Дону, пер. Университетский, 93

Аннотация. Перевод метафор остаётся одной из сложных и важных проблем современного переводоведения. Являясь по своей природе метафорой, персонификация служит не только распространённым образным средством языка, но и инструментом познания внешнего мира. Особенности её передачи в переводных текстах остаются до настоящего времени недостаточно исследованными. Настоящая публикация сфокусирована на описании и анализе переводческих решений, используемых для передачи персонификации во франкоязычных переводах XIX в. романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Корпус практического материала составили русскоязычный оригинал произведения и пять его переводов, авторами последних стали: А.А.Столыпин (1843 г.), Ж.-М. Шопен (1853 г.), Э. Шеффер (1855 г.), К. Мармье (1856 г.), А. де Вилламари (1884 г.). Сравнительное исследование проведено в русле дескриптивизма, с привлечением семантико-функционального анализа и обобщённой типологии способов перевода метафор, предлагаемой в работе Р. Ван ден Брока. Для дополнительной иллюстрации данных использовался приём обратного перевода. В исследовании показано, что в подавляющем большинстве случаев переводчики стремятся к сохранению персонификации. Однако используемые переводческие решения могут заметно варьироваться в зависимости от субъективных установок переводчиков. Наряду с этим, неметафорическое перефразирование выступает одним из достаточно заметных способов передачи содержания персонифицирующих переосмыслений, тогда как использование сравнения оказывается одним из наименее востребованных приёмов. Проведённое автором исследование упорядочивает сведения о передаче персонифицирующих переосмыслений в переводах XIX века романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык, а также конкретизирует мысль о том, что комплексное изучение переводов, находящихся на близкой временной дистанции по отношению к оригиналу может способствовать лучшему пониманию индивидуальных переводческих решений в контексте определённой исторической эпохи и, по данной причине, является весьма перспективным. Дальнейшее изучение данной проблематики планируется осуществить с привлечением более обширного материала.

Ключевые слова: персонификация, художественный перевод, дескриптивное исследование, переводческие решения, М. Ю. Лермонтов, «Герой нашего времени», французский язык

Для цитирования: Соловьева Е.А. (2022). Передача персонификации во франкоязычных переводах XIX столетия романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». *Филологические науки в МГИМО*. 8(4), С. 116–128. <https://doi.org/10.24833/2410-2423-2022-4-33-116-128>

1. Введение

Наделение неживой природы и абстрактных понятий свойствами живых существ присуще человеку с глубокой древности. Для обозначения данного явления обычно используются термины «антропоморфизм», «персонификация», «олицетворение», «прозопопея», которые зачастую понимаются как синонимичные и в наиболее общем виде обозначают придание различным неодушевлённым сущностям характеристик человека или животного [e.g. 28, с. 49].

Обладая метафорической природой, персонификация является не только образным средством языка, но и инструментом познания внешнего мира [19, с. 34]. Проецируя собственное «я» и устанавливая аналогии, человек обозначает и категоризирует окружающую реальность, что приводит к появлению и закреплению в различных языках значительного количества стереотипных персонифицирующих репрезентаций [29, с. 123].

Несмотря на то, что переводческая типология метафор и рекомендуемые способы их воспроизведения при помощи средств переводящего языка уже неоднократно служили предметом длительного и разностороннего научного обсуждения [22, с. 104–113]; [21], [26], [31, с. 107–110], особенности передачи персонификации в переводных текстах остаются недостаточно изученными. Для исследования данной проблематики, наиболее перспективным представляется дескриптивный подход, который рассматривает перевод как культурно-исторический феномен [17, с. 5–6] и направлен на выявление, описание и анализ переводческих решений с целью обнаружения и последующего объяснения существующих закономерностей переводческих решений [35, с. 86]. Кроме того, подобный подход открывает перспективы для выявления воспроизводимых особенностей перевода, которые могут служить элементами, позволяющими идентифицировать «индивидуальный стиль переводчика» [9], [24].

Вышеизложенные положения обуславливают новизну и актуальность настоящей работы, которая является частью нашего исследовательского проекта и сфокусирована на описании и анализе переводческих решений, используемых для передачи персонификации во франкоязычных переводах XIX века романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Формирование эмпирической выборки с учётом времени создания перевода представляется весьма целесообразным, поскольку социальное и культурное окружение может оказывать заметное воздействие на языковое оформление и мотивацию переводческих решений [1, с. 138].

2. Материал и методы исследования

Корпус переводных текстов составили пять переводов романа, авторами которых стали: А. А. Столыпин (1843) [34]; Ж. - М. Шопен (1853) [11]; Э. Шеффтер (1855) [23]; К. Мармье (1856) [32]; А. де Вилламари (1884) [33]. Критерии отбора переводов для исследования изложены нами в работе [6, с. 299–300]. Источником оригинального текста послужило академическое издание произведений М. Ю. Лермонтова [3].

Материал из текста оригинала получен методом сплошной выборки. Однако поскольку предисловие ко второму изданию и глава «Фаталист» опущены в части переводов, а предисловие к журналу Печорина существенно сокращено в переводе К. Мармье, мы не включили материал, полученный из данных фрагментов произведения в исследуемую выборку с целью нивелирования качественных расхождений исходного текста и унификации цифровых данных. Кроме того, из корпуса практического материала были исключены некоторые персонифицирующие актуализации с неоднозначной персонифицирующей семантикой и безличные клишированные конструкции, присутствующие в исходном тексте. Последнее преимущественно касается выражений, содержащих глагол *идти*: *так прошло, не прошло* и т. д.

Анализ особенностей передачи персонификации в переводных текстах осуществлён с опорой на обобщённую типологию способов перевода метафор, предлагаемую в работе Р. Ван ден Брока, который выделяет: 1) перевод *в буквальном смысле* («translation "sensu stricto"») или в более широком определении *ономасиологический* перевод, предполагающий, что образ метафоры (vehicle)

и её содержание (tenor) передаются в неизменном виде; 2) *замещающий*, т.е. *семасиологический* перевод, основанный на подборе метафорического эквивалента, различающегося на уровне образа, но позволяющего в той или иной степени сохранить содержание метафоры в исходном и переводном текстах; 3) *перефразирование* или *дискурсивный* перевод, сводящийся к передаче содержания метафоры неметафорическими средствами языка [35, с. 77–78].

Единицей анализа стал ключевой лексический элемент (далее КЛЭ) персонификации, под которым мы понимаем лексическую единицу, которая во взаимосвязи со своим референтом образует единицу перевода и позволяет идентифицировать и категоризировать метафору или сравнение [см.: 5, с. 125–126]. В общей сложности было проанализировано 775 переводческих решений, служащих для передачи 155 КЛЭ, отобранных из оригинального текста. Подобный подход даёт возможность объективизировать наблюдаемые тенденции перевода.

Дескриптивное исследование реализовано в рамках сравнительного семантико-функционального анализа. Для более наглядной демонстрации данных использован приём обратного перевода.

3. Передача персонификации в переводах романа

Анализ практического материала свидетельствует, что примерно 67% всех переводческих решений, тем или иным образом, **сохраняют персонифицирующую составляющую**. Однако палитра реализуемых преобразований зачастую демонстрирует существенную вариативность, свидетельствующую об определённой субъективности переводчиков. В качестве развёрнутой иллюстрации рассмотрим переводы следующего фрагмента: «Верстах в трёх от Кисловодска, в ущелье, где протекает Подкумок, есть скала, называемая Кольцом; это ворота, образованные природой; они *подымаются* на высоком холме, и заходящее солнце сквозь них бросает на мир свой последний пламенный **взгляд**» [3, с. 309]¹. Приведённый контекст содержит две персонификации. Лексема *образованные* соотносится с референтом *природа* посредством косвенной ассоциативной связи, которая позволяет изобразить абстрактный материальный мир как создателя и творца. В тоже время КЛЭ *бросает <...> взгляд* соединён с референтом *солнце* прямым ассоциативным отношением. Будучи связанным, в свою очередь, с дополнительными метафорическими актуализациями *скалы* при помощи топонима *Кольцо* и лексемы *ворота*, а также с эпитетом *пламенный*, получающим двойственное прочтение, персонификация участвует в формировании многогранной художественной реальности. Передача данного контекста представлена следующими решениями²:

А. А. Столыпин.

«À trois verstes de Kislovodsk, dans une vallée arrosée par le Podcoumok, se trouve un rocher qu'on appelle l'Anneau. C'est une rosace naturelle pratiquée dans le roc par une cause inconnue. Elle s'ouvre sur une haute colline, et c'est un spectacle intéressant que celui du coucher du soleil, vu au travers de cette voûte aérienne, quand les derniers rayons de l'astre mourant disent adieu à la terre» [34, 20 Oct.].

«В трёх верстах от Кисловодска, в долине, где протекает Подкумок, находится скала, которую называют Кольцом. Это естественное круглое окно, пробитое в скале вследствие действия неизвестной причины. Оно открывается с высокого холма, и закат солнца, увиденный через эту воздушную арку в момент, когда последние лучи умирающего светила прощаются с землёй, представляет собой интересное зрелище».

¹ Здесь и далее курсив наш, при цитировании сохранена орфография источников – Е.С.

² Здесь и далее обратный перевод наш – Е.С.

Ж.-М. Шопен.

«À trois verstes de Kislovodsk, dans un canal où coule le Podkumok, s'élève un rocher que l'on nomme l'Anneau. C'est une porte façonnée par la nature. Elle est située sur une colline élevée, et par cette ouverture le soleil couchant envoie ses derniers rayons» [11, с. 149].

«В трёх верстах от Кисловодска, в ущелье, где течёт Подкумок, возвышается скала, которую именуют Кольцом. Это ворота, созданные природой. Они расположены на высоком холме, и через этот проём закатное солнце посылает свои последние лучи».

Э. Шеффтер.

«À environ un mille de Kislowodsk, sur un monticule, dans ce ravin où coule le Podkumok, un rocher appelé le Cercle forme une porte naturelle par laquelle le soleil couchant darde sur la terre ses derniers rayons» [23, №42].

«Примерно в миле от Кисловодска, на пригорке, в той ложине, где течёт Подкумок, именуемая Кругом скала образует естественные ворота, через которые заходящее солнце бросает на землю свои последние лучи».

К. Мармье.

«À trois werstes de Kislovodsk, dans le ravin où coule le Podkumok, est une roche qu'on appelle la Koltsov. C'est, comme son nom l'indique, une sorte d'anneau, ou plutôt une porte ouverte sur l'espace par la nature. Elle s'élève au haut d'une colline, et, le soir, le soleil projette par-là sur la plaine ses derniers rayons» [32, с. 165–166].

«В трёх верстах от Кисловодска, в ложине, где течёт Подкумок, находится скала, которую называют Кольцов. «Она является, как указывает её название, своего рода кольцом или скорее воротами, открытыми природой в пространство. Они возвышаются на вершине холма, и по вечерам солнце бросает сквозь них свои последние лучи на равнину».

А. де Вилламари.

«À trois verstes de Kislovodsk, dans les gorges où coule le Podkumok est un rocher appelé l'anneau. Il a la forme de portes, construites par la nature elle-même. Elles s'élèvent sur une haute colline, et le soleil couchant jette à travers elles, sur le monde, son regard ardent» [33, с. 233].

«В трёх верстах от Кисловодска, в ущельях, где течёт Подкумок, находится скала, называемая Кольцо. Она имеет форму ворот, построенных самой природой. Они поднимаются на высоком холме, и закатное солнце бросает сквозь них на мир свой пламенный взгляд».

А. де Вилламари наиболее близко следует тексту оригинала, передавая с достаточными эквивалентностью и адекватностью авторское видение, несмотря на утрату в переводе лексемы *последний*. В версии А. А. Столыпина образная актуализация солнца происходит за счёт лексемы *tourant* и форманта *disent adieu*, соотносимого с референтом *derniers rayons*. Хотя последний и репрезентирует небесное светило по принципу метонимии, смещает акцент с целого объекта на его составляющую и представляет несколько отличный от авторского персонифицирующий образ. Поэтому, в данном случае можно говорить о сохранении категориальной принадлежности персонифицирующей репрезентации с некоторой модификацией её содержания.

Более стереотипная интерпретация референта, реализуемая при помощи словосочетания *derniers rayons* в соотнесении с персонифицирующими глаголами, выражающими активное целенаправленное действие, представлена в трёх других переводах: *le soleil couchant envoie ses derniers rayons* (Ж.-М. Шопен); *le soleil couchant darde <...> ses derniers rayons* (Э. Шеффтер); *le soleil projette <...> ses derniers rayons* (К. Мармье). Заметим, что решение Э. Шеффтера содержит относительно распространённый фигуративный оборот литературного языка, однако привносит за счёт внутренней формы глагола *darder* (досл. метать копьё) некоторую коннотативную агрессивность, отсутствующую в оригинале.

По нашему мнению, вышеперечисленные решения следует рассматривать как субъективно мотивированные. В частности, перевод КЛЭ *бросает пламенный взгляд* не представляет объективных сложностей и может быть реализован различными способами. Так, например,

словосочетания *regard flamboyant* [18, с. 328]; *regard ardent* [27, с. 117]; *regard embrasé* [25, с. 103] устойчиво выявляются в литературном лексиконе эпохи, ещё находившейся под некоторым влиянием романтизма.

Наряду с этим, в переводах А. А. Столыпина и Э. Шеффтера утрачивается эксплицитная персонификация природы. Э. Шеффтер ограниченно соотносит глагол *former* с референтом *rocher*, а А. А. Столыпин использует для обозначения референта словосочетание *cause inconnnue*, что тоже приводит к некоторой модификации смысла. Заметим, что в данном контексте лексема *cause* контекстуально выражает идею действующего начала – «*ce qui produit ou occasionne quelque chose*» [30]. Похожее употребление можно встретить, например, в некоторых естественно-научных текстах XIX столетия. Прочитируем: «*Par conséquent j'ignore aussi, si c'est par un miracle ou par une cause inconnnue qu'elle s'est arrêtée dans ce mouvement de rotation diurne*» («Поэтому я также не знаю, благодаря чуду или под действием неизвестной причины она (зд. планета Земля) остановила вращение вокруг своей оси») [12, с. 198].

Добавим, что избираемая переводчиком метафорическая актуализация скального проёма как естественного круглого окна (*rosace naturelle*) в целом не противоречит ни авторскому замыслу, ни реальному состоянию местности. Можно полагать, что она подсказана весьма популярным в то время произведением В. Гюго «Собор Парижской Богоматери» («*Notre-Dame de Paris*»), в котором лексема *rosace / rosace à jour* неоднократно используется для актуализации окна-розетки. Данный факт может служить иллюстрацией мысли В.В. Виноградова о влиянии социально-культурного окружения на мотивацию переводческих решений. Ведь, как свидетельствуют лексикографические источники, подобная номинация не была широко распространённой, поскольку в лексиконе архитектуры лексема *rosace* преимущественно соотносилась с лепным украшением в форме розы, тогда как для обозначения округлого окна с фигурным переплётом обычно использовалась лексема *rose* [7, с. 299], [14, с. 675–676].

Наряду с этим, решения переводчиков не всегда свободны от некоторых неточностей, связанных с индивидуальным восприятием исходного и переводящего языков и описываемых реалий. Так, употребление А.А. Столыпиным глагола *s'ouvrir* в сочетании с предлогом *sur* представляется несколько неожиданным в цитируемом контексте. Данная коллокация, особенно при наличии подлежащего, соотносящегося с существительным, содержащим сему разделения пространства (*rosace naturelle*), обычно имеет значение *donner sur, regarder sur* (выходить на/в; смотреть на) [30]. Поскольку опыт и компетенции переводчика предполагают не только безошибочное понимание им оригинальной фразы, но и сопоставимое с авторским знание местности, следует заключить, что он подразумевает именно расположение скального выступа на вершине холма, а не его ориентацию. Тем не менее, такое решение следует признать не совсем удачным из-за порождаемой им двусмысленности.

Рассмотрим переводы ещё одного показательного примера: «Его маленькие чёрные глаза, всегда *беспокойные, старались проникнуть* в ваши мысли» [3, с. 269]. В данном случае персонификации подвергается орган зрения (глаза), которому соответствуют два КЛЭ (*беспокойные* и *старались проникнуть*), наделяющие эту часть тела человека самостоятельным эмоциональным статусом и способностью к мотивированному действию. Переводчики представляют следующие варианты передачи данного фрагмента:

А.А. Столыпин: «*Ses yeux noirs, petits et inquiets, cherchent à pénétrer vos pensées*» [34, 13 Oct.]. («Его чёрные, маленькие и беспокойные глаза, стремятся проникнуть в ваши мысли»);

Ж.-М. Шопен: «*Ses yeux noirs et petits toujours roulant, allaient chercher jusqu'au fond de vos pensées*» [11, с. 98]. («Его чёрные и маленькие, всегда вращающиеся глаза проникали до дна ваших мыслей»);

Э. Шеффтер: «*Ses petits yeux noirs, toujours en mouvement, sont occupés à deviner les pensées d'autrui*» [23, №.35]. («Его маленькие чёрные, в постоянном движении глаза, заняты угадыванием чужих мыслей»);

К. Мармье: «*Ses petits yeux noirs inquiets et vifs semblent vouloir pénétrer au fond de votre pensée*» [32, с. 107.]. («Его маленькие глаза чёрные, беспокойные и живые, будто хотят проникнуть вглубь вашей мысли»);

А. де Вилламари: «*Ses petits yeux noirs, toujours en mouvement, s'efforcent de scruter vos pensées*» [33, с. 151]. («Его маленькие глаза чёрные, в постоянном движении, пытаются внимательно осматривать ваши мысли»).

Приведённые выше решения тоже достаточно наглядно отражают стремление переводчиков к сохранению персонификации. Однако в переводах Ж.-М. Шопена, Э. Шеффтера и А. де Вилламари отмечается потеря эмотивной составляющей при передаче лексемы *besoin*. Функционально эквивалентные перифразы *toujours roulant* (Ж.-М. Шопен) и *toujours en mouvement* (Э. Шеффтер и А. де Вилламари), полученные, говоря современным языком, в результате приёма модуляции, передают персонификацию в значительно стёртой форме, исключительно за счёт семы активного действия.

Трансформация КЛЭ *старались проникнуть* в сравнительный оборот с глаголом *sembler* (К. Мармье) влечёт за собой формальную утрату метафоричности, поскольку переводит суждение в модальность недействительности, чем устраняет «аномалию» ложного суждения [13, с. 41]. Наряду с этим, можно отметить компенсирующее включение дополнительного персонифицирующего элемента *vifs* в переводе К. Мармье.

Передача персонификации с использованием *сравнения* реализуется достаточно редко. Доля этого преобразования в совокупной выборке переводческих решений составляет около 2%. В качестве дополнительного примера приведём схожее решение, реализованное А. де Вилламари при переводе фрагмента «<...> из-за них *выглядывал* Казбек в своей белой кардинальской шапке» [3, с. 239.]: «<...> derrière lesquelles le Kazbek *semblait nous regarder* pareil à un chapeau de cardinal recouvert de neige». («<...> из-за которых, Казбек, казалось на нас смотрел, похожий на кардинальскую шапку покрытую снегом»).

Следует отметить, что отсутствие переводческой вариативности в сочетании с дословной или очень близкой к дословной передачей ключевых элементов отмечается редко. Подобная ситуация вполне объяснима, ведь даже узуальные метафоры далеко не всегда могут быть переданы дословно и однообразно ввиду несовпадения соответствий и отличий в сочетаемости слов в исходном и переводящем языках [22, р. 106–107]. И, как показывают наблюдения, это не единственный фактор, который способен оказывать влияние на выбор переводческого решения.

В целом, примерно шестая часть выявленных в романе персонифицирующих репрезентаций могут быть отнесены к «стёртым» или даже «мёртвым» метафорам, тем не менее их передача демонстрирует определённое разнообразие. Так, например, словосочетание «*бедная шинель*» из контекста «<...> И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью? – *Бедная шинель!* – сказал я, усмехаясь» [3, с. 265] не отличается существенным разнообразием решений: – *Pauvre capote!* (А. А. Столыпин) [34, 12 Oct.] ; – *Pauvre tunique!* (Ж.-М. Шопен) [11, с. 93]; – *Pauvre capote!* (Э. Шеффтер) [23, №.34]; – *Pauvre tunique!* (К. Мармье) [32, с. 101]; – *Pauvre manteau!* (А. де Вилламари) [33, с. 143]. В качестве эквивалента КЛЭ *бедная*, несущего экспрессивную нагрузку и имеющего контекстуальное значение *несчастливая*, все переводчики избирают прилагательное *pauvre*, располагаемое в препозиции к существительному, что соответствует общепринятому правилу стилистики и узусу французского языка [20]. Такое решение с высокой эквивалентностью и адекватностью позволяет передать персонифицирующий эпитет. Однако наблюдаемое однообразие решений не может быть целиком объяснено исключительно узуальностью эпитета и лёгкостью подбора эквивалента. По нашему мнению, определённую роль играют как субъективная установка переводчика по отношению к оригиналу, так и контекст.

В частности, при передаче схожей репрезентации во фразе <...> я с невольным биением сердца глядел на *бедную* лодку <...>, в двух переводах происходит утрата персонификации, несмотря на отсутствие препятствий для её сохранения: *la fragile embarcation* (А. А. Столыпин) [34, 07 Oct.]; *la chaloupe en péril* (Ж.-М. Шопен) [11, с. 74]; *la pauvre barque* (Э. Шеффтер) [23, №.32]; *la pauvre embarcation* (К. Мармье) [32, с. 81]; *la pauvre barque* (А. де Вилламари) [33, с. 115]. Дополнительно отметим, что используемая А.А. Столыпиным и Э. Шеффтером лексема *capote* наиболее точно соответствует пехотной солдатской шинели XIX века. [10, с. 1016–1019]. Что же касается эквивален-

тов *barque / chaloupe / embarcation*, то все эти синонимы достаточно близко передают описываемый в романе референт.

Примечательно, что ни в одном из рассмотренных вариантов перевода не используется лексема *malheureux*, употребление которой было бы возможно в обоих случаях. Однако словосочетание *malheureuse capote* не чуждо, в частности, языку А.А. Столыпина, который использует его при передаче диалога Печорина с Грушницким. Цитируем: «– Ни за что! – в этой гадкой шинели ... – Как, ты её разлюбил?...» [3, с. 299].

А. А. Столыпин.

« – Jamais ; je t'ai déjà dit, que je ne voulais plus paraître en cet ignoble costume. – Tu la détestes donc bien à présent, cette *malheureuse capote* ? » [34, 19 Oct.]

« – Никогда ; я тебе уже говорил, что больше не хочу появляться в этом гадком одеянии. – Ты её ненавидишь значит сильно теперь, эту бедную шинель? ».

Кроме того, переводя примерно в то же самое время гоголевскую «Шинель», К. Мармье неоднократно употребляет словосочетание *malheureux manteau* для персонифицирующей актуализации шинели Акакия Акакиевича: «Petrovitch prit le *malheureux manteau*, le déploya sur la table <...>» [16, с. 69]. При этом он ни разу не прибегает к лексеме *pauvre* по отношению к этому предмету гардероба. Решение К. Мармье тоже имеет характер переводческого добавления, однако экспрессивная смысловая нагрузка во многом идентична.

Можно полагать, что в последних процитированных ситуациях выбор переводчиков преимущественно обусловлен контекстом. Возможно, что мотивирующим фактором добавления А.А. Столыпина выступает желание более эксплицитно передать авторскую иронию, что достигается противопоставлением словосочетаний *ignoble costume / malheureuse capote*. Что же касается решения К. Мармье, то можно предположить, что лексема *pauvre*, даже находясь в препозиции, за счёт своей внутренней формы слишком буквально соответствует состоянию одежды персонажа. Помимо этого, она уже соотнесена переводчиком с образом Акакия Акакиевича и даже присутствует в заглавии первого издания перевода: «Le Manteau d'un *pauvre* homme», впоследствии сокращённом до «Le Manteau».

Некоторые лексикализованные глагольные сочетания, представляют определённые затруднения при их отнесении к разряду персонификации, ввиду сложностей, связанных с проблемами определения залога. Последнее преимущественно относится к глаголам *подниматься, (с)прятаться, садиться*, употреблённым по отношению к природным и топографическим реалиям. Например: *поднялся* туман; на север *поднимается* Машук; солнце *пряталось* и т.д. Тем не менее, благодаря наличию в принимающем языке похожих актуализаций, подбор функционального эквивалента в большинстве случаев не представляет существенных затруднений, однако тоже отличается определённой вариативностью. Так, например, для передачи фразы «<...> уж солнце *садились*, когда я подъехал к Кисловодску» [3, с. 331] переводчиками предлагаются следующие решения: «<...> le *soleil se couchait*, quand j'arrivai à Kislovodsk<...>» (А.А. Столыпин) [34, 02 Nov.] ; «Le *soleil se couchait* lorsque je rentrai à Kislovodsk <...>» (Ж.-М. Шопен) [11, p. 179] ; «Le *soleil penchait* déjà vers l'horizon lorsque j'arrivai à Kislovodsk <...> » (Э. Шеффер) [23, №.49]; «Le *soleil était couché* quand je rentrai à Kislovodsk <...>» (К. Мармье) [32, p. 197]; «Déjà le *soleil baissait* lorsque j'arrivai à Kislovodsk <...>» (А. де Вилламари) [33, p. 278].

Замена персонификации иной метафорой тоже наблюдается не часто, её доля в структуре переводческих решений составляет около 7%. Так, например, фрагмент «*Ночь уж ложилась* на горы <...>» [3, с. 212] трансформируется в переводе Ж.-М. Шопена в более обиходную метафору: «La *nuit couvrait* déjà les montagnes <...>» («Ночь уже *накрывала* горы <...>») [3, с. 13]. В некоторой степени, подобная замена может рассматриваться как разновидность универсалии упрощения [8, с. 243–244].

Достаточно удачное обращение к иному метафорическому уподоблению предложено в переводе Ж.-М. Шопена при передаче фразы «*Натура – дура, судьба – индейка, а жизнь – копейка!*» [3, с. 329], являющейся вариантом распространённых в XIX столетии народных паремий: «Натура дура, судьба злодейка (судьба индейка)»; «Жизнь копейка, судьба индейка» и «Смерть (жизнь) копейка, голова наживное дело» [2, с. 43, 275]. Переводчик передаёт приведённую фразу следующим образом: «*Nature, existence et destin, Tout cela pèse moins que rien*» [11, с. 176] (досл. «Природа, существование и судьба, всё это весит ничтожно мало»). Данное решение достаточно адекватно интерпретирует содержание и стилистическое оформление исходной фразы. Переводчик использует идиоматический оборот разговорно-просторечного регистра *moins que rien* (ничтожно мало; почти ничего), который дополняет метафорической актуализацией при помощи глагола *peser* (весить).

Остальные переводческие решения демонстрируют уже обозначенную выше доминирующую тенденцию к сохранению персонификации: «*La nature est une sottise, le hasard un dindon, et la vie ne vaut pas un sou*» (А.А. Столыпин) [34, 02 Nov.]; «*La nature est une folle, le destin une vieille poule et la vie ne vaut pas un fêtu*» (Э. Шеффтер) [23, № 48]; «*La nature est une folle; le destin un oison; la vie un kopeck*» (К. Мармье) [32, с. 194]; «*La nature est stupide, le destin un dindon et la vie ne vaut pas un covek !*» (А. де Вилламари) [33, с. 273].

Вместе с тем использование лексем *dindon* (досл. индюк) и *oison* (досл. гусёнок) привносят в переводы некоторые дополнительные коннотативные смыслы. Это связано с тем, что в разговорном и просторечном стратах французского языка лексемы *dindon* и *oison* (*bridé*) служат для обозначения *глупого* и *недалёкого* человека [30]. Тогда как в русской поговорке лексема *индейка* имеет шутивную коннотацию и обозначает незадачливую, трудную судьбу [4, с. 246]. Лексема *poule* (досл. курица) тоже может иногда использоваться для несколько пейоративного обозначения женщины [30], однако благодаря её соотнесению в переводе Э. Шеффтера с существительным мужского рода *destin* и добавлению прилагательного *vieille*, данная коннотация, в целом, нивелируется. Тот факт, что Э. Шеффтер тоже обращается к французскому разговорно-просторечному выражению «*ça ne vaut pas un fêtu*» [15, с. 406] (т.е. *ничего не стоит*, употребляемому по отношению к чему-то никчёмному, банальному), дополнительно свидетельствует об осознании иноязычными переводчиками паремической природы лермонтовской фразы. Попутно отметим, что А.А. Столыпин употребляет лексему *hasard* в значении *судьба*.

Обращение к той или иной форме **неметафорического перефразирования** происходит более часто, оно составляет около 19 % всех переводческих решений. Так, например, для передачи персонификации во фразе «<...> в душе моей *родилось* непреодолимое *отвращение* к женитъбе ...<...>» [3, с. 314], трое переводчиков прибегают к неметафорическому перефразированию, которое, вероятно, обусловлено стремлением более ясно передать читателю авторскую идею:

А. А. Столыпин: «*C'est depuis ce temps-là que j'éprouve pour le mariage cette aversion profonde*» [34, 28 Oct.] («Именно с тех пор я ощущаю глубокое отвращение к свадьбе»);

Э. Шеффтер «*Mais je sens en moi une terreur antipathique, un inexplicable pressentiment contre le mariage*» [23, №.44] («Но я чувствую в себе некий неприязненный страх, необъяснимое предубеждение против свадьбы»);

К. Мармье: «*Dès ce moment, j'éprouvai pour le mariage une aversion insurmontable*» [32, с. 173] («С этого момента я ощутил непреодолимое отвращение к свадьбе»).

Однако А. де Вилламари сохраняет исходную персонификацию: «<...> *et, dans mon âme, naquit un dégoût insurmontable pour le mariage*» [33, р. 243] («<...> и в душе моей родилось непреодолимое отвращение к свадьбе»).

Что же касается решения Ж.-М. Шопена, то использование лексемы *invincible* по отношению к референту *éloignement* в некоторой степени компенсирует утрату оригинальной персонификации: «<...> *cela me fit une grande impression ... et m'inspira un éloignement invincible pour le mariage ...*» [11, р. 155] («<...> это произвело на меня большое впечатление... и внушило мне непреодолимое (досл. непобедимое) неприязненное отношение к свадьбе ...»).

Дополнительно рассмотрим ещё один пример: «Направо и налево чернели мрачные, таинственные пропасти, и туманы, <...> сползали туда по *морщинам* соседних скал <...>» [3, с. 223]. Можно предположить, что уподобление горной складчатости *морщинам* воспринимается как несколько непривычное, поскольку для его передачи три переводчика обращаются к персонифицирующему перефразированию: *sur les rocs ébréchés* (Э. Шеффтер) [23, №.26]; *sur le bord des rocs* (К. Мармье) [32, с. 35]; *entre les anfractuosités* (А. де Вилламари) [33, с. 48]. Тогда как А.А. Столыпин использует узуальное словосочетание (*sur*) *les flancs des montagnes* [34, 02 Oct.], в котором лексема *flanc* практически утрачивает свою внутреннюю форму и, как следствие, соотносённость с персонифицирующим образом. Что же касается Ж.-М. Шопена, то он прибегает к замене данной персонификации другим метафорическим образом: *à travers les déchirures des rocs*, позволяющей уподобить скалы разорванной субстанции [11, с. 29].

Полное **опущение** персонификации или даже содержащего её фрагмента встречается сравнительно редко. Доля таких решений составляет в нашей выборке порядка 5%. В целом можно полагать, что использование опущения может быть связано как со сложностью подбора эквивалента или желанием упростить синтаксическую конструкцию, так и с целью некоторого смягчения авторских формулировок. Например, фразу «Извозчики с криком и бранью колотили лошадей, которые фыркали, упирались и не хотели ни за что в свете тронуться с места, несмотря на *красноречие кнутов*» [3, с. 227], Ж.-М. Шопен преобразует в более нейтральный вариант: «Nos conducteurs juraient en frappant leurs chevaux qui n'auraient pas bougé pour rien au monde» [11, с. 34]. («Наши извозчики ругались, колотя лошадей, которые ни за что на свете не сдвинулись бы с места»). Можно полагать, что в данном случае переводчик избегает передачи относительно резкого суждения.

Индивидуальный анализ переводческих решений позволяет заключить, что при передаче персонификации А. де Вилламари несколько чаще других следует букве оригинала, тогда как решения К. Мармье отличаются более заметными вольными преобразованиями. В их переводах доля решений, сохраняющих персонификацию, составляет приблизительно 75% и 57% соответственно. Данное наблюдение позволяет предположить, что установка переводчика по отношению к передаче метафор, в частности персонификаций, может рассматриваться как потенциальный элемент его творческой индивидуальности.

4. Выводы

Анализ переводческих решений выявляет следующие способы передачи персонификации, используемые переводчиками XIX столетия: сохранение персонификации в переводном тексте; передача персонификации при помощи неметафорического перефразирования; замена персонификации иным метафорическим образом; использование сравнения; опущение персонифицирующего переосмысления.

Преобладающей является ономаσιологическая стратегия перевода, которая предоставляет возможность в той или иной степени донести до читателя авторские переосмысления, чем достигается цельность и сбалансированность этого фрагмента образной структуры произведения. Однако используемые приёмы перевода и получаемые в результате этого интерпретации могут варьироваться в зависимости от контекста и субъективного восприятия переводчика.

Наряду с этим, неметафорическое перефразирование выступает другим достаточно заметным приёмом передачи содержания персонификации. Данный факт может быть объяснён как стремлением переводчиков к экспликации авторских идей, так и контекстуальной привычностью тех или иных образных уподоблений. При этом в некоторых случаях можно наблюдать компенсацию утраченной персонификации за счёт дополнительного персонифицирующего образа или иной метафоры. Одним из наименее востребованных приёмов для передачи персонификации по данным нашей выборки оказывается использование сравнения.

Перечисленные наблюдения свидетельствуют об интуитивном или осознанном восприятии переводчиками персонификации как важного и неотъемлемого компонента образной структуры оригинального текста.

Подводя итог, можно добавить, что комплексное изучение переводов, хронологически близких к оригиналу, является перспективным, поскольку позволяет более глубоко проанализировать факторы, оказывающие влияние на выбор переводческих решений, и открывает интересные перспективы для последующего ретроспективного сопоставительного исследования, которое мы в дальнейшем планируем осуществить.

© Соловьева Е.А., 2022

Список литературы

1. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего и среднего образования РАО, 2001. 224 с.
2. Даль В.И. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. М.: Изд. императорского общества истории и древностей российских при Московском университете. Т. 1. 1862. 685 с.
3. Лермонтов М. Ю. Сочинения: В 6 т. АН СССР. Ин-т рус. литературы. Т. 6. Проза. Письма. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957.
4. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. 4-е изд., доп. Москва : А ТЕМП, 2006. 944 с. С. 246.
5. Соловьева Е. А. Анималистические сравнения в переводах XIX века романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» на французский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2022. № 1. С. 124–135.
6. Соловьева Е.А. Передача некоторых военных реалий во французских переводах XIX в. романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Новый филологический вестник. 2021. №4 (59). С.299-300.
7. Эртель В. А. Французско-русский словарь, извлечённый из новейших источников в 2 т. Т. 2. СПб.: У книгопродавца Г. Шмицдорфа, 1842. 476 с.
8. Baker M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications, in M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli (eds.). Text and Technology. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins. 1993. P. 233-250.
9. Baker M. Towards a methodology for investigating the style of literary translator // Target. 2000. Vol. 12. P. 241-266. URL: <https://doi.org/10.1075/target.12.2.04bak>
10. Bardin E. Dictionnaire de l'armée de terre, ou Recherches historiques sur l'art et les usages militaires des anciens et des modernes. En 17 parties. Partie 4. Paris: J. Corréard. 1843. 331 p.
11. Bela, ou Un héros de notre époque. Nouvelle circassienne. / Choix de nouvelles russes de Lermontof, Pouchkine, von Wiesen etc. Trad. du russe par J. N. Chopin / Paris : Reinwald, 1853. P. 1-202.
12. Chaubard L. A. Éléments de géologie mis à la portée de tout le monde Paris, 1838. 516 p.
13. Davidson D. What metaphors mean // Critical inquiry. 1978. Vol. 5, № 1. P.31-47.
14. Dictionnaire de L'Académie française, VIe édition. Tome 2. Paris : Firmin-Didot, 1835. 961 p.
15. Dictionnaire des expressions et locutions : Collection Les Usuels du Robert, 2003. P.406. 1086 p.
16. Gogol N. Le Manteau d'un pauvre homme. Trad. du russe par X. Marmier. // L'ami de la maison : revue hebdomadaire illustrée, Vol. 1. Issues 1-25. Janv. 1856. 401 p.
17. Hermans T. Translation in Systems: Descriptive and System-oriented Approaches Explained. St. Jerome Publishing, 1999. 195 p.
18. Hugo V. Œuvres complètes Vol. 2. Han d'Islande. 1837. 680 p.
19. Lakoff G., Jonson M. Metaphors we live by. Chicago: University of Chicago Press, 1980. 242 p.
20. Leeman D. Ma pauvre Denise, si tu savais ce qui m'arrive ! Le cas d'un emploi « émotionnel » singulier // Revue de linguistique et de didactique des langues. 2005. № 32. P. 167-181. URL : <https://doi.org/10.4000/lidil.112>.
21. Meyers Ch. L'influence de la conceptualisation métaphorique sur les choix traductionnels. L'exemple de l'astrophysique et des trous noirs // ASp, la revue du GERAS. 2014. № 66. P. 83-101.
22. Newmark P. A textbook of translation. New York: Prentice Hall, 1988. 304p.
23. Petchorine, ou Un héros d'aujourd'hui. Scènes de la vie russe dans le Caucase. Trad. de Edouard Scheffter. Le Mousquetaire. // Journal de Alexandre Dumas. Paris, 1855. 23 Janv. 18 Févr.
24. Saldanha G. Style in, and of, translation. A Companion to Translation Studies. / Ed. Sandra Berman; Catherine Porter. Chichester: Blackwell-Wiley, 2014. P. 95-106.
25. Sand G. Œuvres, Vol. 1. Lélia. Bruxelles, 1842. 518 p.
26. Schäffner C. Metaphor and translation: some implications of a cognitive approach. // Journal of Pragmatics, №36. 2004. P. 1253-1269.
27. Soulié F. Les Forgerons. Bruxelles, 1841. 131 p.
28. Stanford J. A. Responding to Literature. 4th ed. New York: McGraw Hill, 2003. 1204 p.
29. Szulmajster-Celnikier A. Représentations et imaginaires parisiens : réanalyse, métaphore, figement analytique // La linguistique, 2010, Vol. 46. №1. P. 121-152.
30. TLFi, Trésor de la Langue Française informatisé. URL : <http://www.atilf.fr/tlfi>.

31. Toury G. Descriptive translation studies and beyond. Revised edition. Amsterdam: J. Benjamins, 2012. 350 p.
32. Un héros de notre temps. Au bord de la Néva. Contes russes traduits par X. Marmier. Paris : Lévy, 1856. P. 5-208.
33. Un héros de notre temps. Trad. du russe par A. de Villamarie. Paris : Librairie parisienne E. Giraud, 1884 [Paris : P. V. Stock, 1904]. XII. 355 p.
34. Un héros du siècle ou Les russes dans le Caucase. Trad. du russe par A. A. Stolipine. // Démocratie pacifique. Paris, 1843. 29 Sept. 4 Nov.
35. Van den Broeck R. The Limits of Translatability Exemplified by Metaphor Translation // Poetics Today, 1981. Vol. 2. № 49. P.73-78.

References

1. Vinogradov, V. S. *Vvedenie v perevodovedenie (obshchie i leksicheskie voprosy)*. [Introduction to translation studies (general and lexical issues)], Moscow, Moscow: Publishing House of the Institute of General and Secondary Education of RAE, 2001, 224 p.
2. Dahl, V.I. *Sbornik poslovits, pogovorok, recheniy, prislaviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy i proch* [Proverbs of the Russian people: a collection of proverbs, sayings, utterances, priests, rhetoric, jokes, riddles, etc.], Moscow Univ. Press, 1862, 685 p.
3. Lermontov, M.Yu. *Sochineniya: V 6 t.* [Collected works in 6 volumes], Academy of Sciences of the USSR. Institute of Russian literature (Pushkin house), t. 6. Prose. Letters. 1957, 900 p.
4. Ozhegov S. I., Shvedova N. Yu. *Tolkovy slovar' russkogo iazyka : 80 000 slov i frazeologicheskikh vyrazheniy* [Explanatory dictionary of the Russian language contains 80,000 words and phraseological expressions]. M.: A TEMP, 2006. 944 p.
5. Baker, M. Corpus Linguistics and Translation Studies: Implications and Applications, in M. Baker, G. Francis, E. Tognini-Bonelli (eds.), *Text and Technology*, John Benjamins, Amsterdam and Philadelphia, The Netherlands and US, 1993, pp. 233-250.
6. Baker, M. Towards a methodology for investigating the style of literary translator. *Target*, 2000, vol. 12, pp. 241-266. <https://doi.org/10.1075/target.12.2.04bak>.
7. Bardin, É. *Dictionnaire de l'armée de terre, ou Recherches historiques sur l'art et les usages militaires des anciens et des modernes. En 17 parties. Partie 4.* [Dictionary of the Army, or Historical research on the art and military uses of the ancients and the moderns. In 17 parts. Part 4]. Paris : J. Correard, 1843, 331 p.
8. Chaubard, L., *Éléments de géologie mis à la portée de tout le monde, et offrant la concordance des faits géologiques avec les faits historiques, tels qu'ils se trouvent dans la Bible ...*, [Elements of geology made accessible to everyone] Paris : L'auteur, 1838, 680 p.
9. *Choix de nouvelles russes de Lermontof, Pouchkine, von Wiesen, etc.* [Bela, or A hero of our time. Circassian Novel. Selection of Russian short stories by Lermontof, Pouchkine, von Wiesen etc. Translated by J.-N. Chopin], 1853, Paris: Reinwald, 1-202.
10. Davidson, D. What metaphors mean. *Critical inquiry*, 1978, no 5 (1), pp. 31-47.
11. *Dictionnaire de l'Académie française, VIe édition.* [Dictionary of the French Academy 6th edition], t. 2, Paris: Firmin-Didot, 1835, 961 p.
12. *Dictionnaire des expressions et locutions : Collection Les Usuels du Robert*, [Dictionary of expressions and phrases : Collection Les Usuels du Robert], 2003. 1086 p.
13. Ertel, V.A. *Frantsuzsko-russkiy slovar', izvlechenny iz noveishikh istochnikov* [French-Russian dictionary, extracted from the latest sources], t. 2, Saint Petersburg, At the bookseller G. Schmitzdorf, 1842, 476 p.
14. Gogol, N. *Le Manteau d'un pauvre homme.* Trad. de Xavier Marmier [A Poor Man's Overcoat. Translated by X. Marmier]. Lami de la maison : revue hebdomadaire illustrée, 1856, 1-25 Jan.
15. Hermans, T. *Translation in Systems: Descriptive and System-oriented Approaches Explained*, St. Jerome Publishing, 1999, 195 p.
16. Hugo, V. *Œuvres complètes, t. 2.* [Complete Works, t. 2], 1837. Bruxelles. 680 p.
17. Lakoff, G. M., Jonson M. *Metaphors we live by.* University of Chicago Press, Chicago, 1980, 242 p.
18. Leeman, D. My poor Denise, if you only knew what is happening to me! The case of a singular “emotional” using. *Revue de linguistique et de didactique des langues*, 2005, vol. 32, pp. 167-181, <https://doi.org/10.4000/lidil.112>.
19. Meyers, Ch. L'influence de la conceptualisation métaphorique sur les choix traductionnels. L'exemple de l'astrophysique et des trous noirs. [The influence of metaphorical conceptualization on translational choices. The example of astrophysics and black holes]. *Asp. la revue du GERAS*, 2014. Vol. 66, pp. 83-101.
20. Newmark, P. *A textbook of translation*, Prentice Hall, New York, 1988, 304p.
21. *Petchorine, ou Un héros d'aujourd'hui. Scènes de la vie russe dans le Caucase.* Trad. de E. Scheffter [Pechorine, or A Hero of Today. Scenes of Russian life in the Caucasus. Translated by E. Scheffter]. *Le Mousquetaire. Journal de Alexandre Dumas*. Paris, 1855, 23 janv. 18 févr.
22. Saldanha, G. Style in, and of, translation. In S. Berman, & C. Porter (Eds.), *A Companion to Translation Studies*, Blackwell-Wiley, Chichester, 2014, pp. 95-106.
23. Sand G. *Œuvres*, [Works] Vol. 1. Lélia. Bruxelles, 1842. 518 p.
24. Schäffner, C. Metaphor and translation: some implications of a cognitive approach. *Journal of Pragmatics*, 2004, vol. 36, pp. 1253-1269.
25. Solovyeva, E. A. Animalisticheskie sravneniia v perevodakh XIX veka romana M. Yu. Lermontova «Geroi nashego vremeni» na frantsuzskiy iazyk [Animal similes in the nineteenth-century French translations of Mikhail Lermontov's novel “A hero of our time”]. *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2022, no. 1, p. 124–135. DOI: 10.18384/2310-712X-2022-1-124-135.
26. Solovyeva, E.A. Peredacha nekotorykh voennykh realiy vo frantsuzskikh perevodakh XIX v. romana M.Yu. Lermontova «Geroi nashego vremeni» [Rendering Some Military Realities in the 19th Century French Translations of Mikhail Lermontov's Novel “A Hero of Our Time”] *New Philological Bulletin*, 2021, no 4 (59), pp. 296–310. DOI: 10.54770/20729316-2021-4-296.

27. Soulié, F. *Les Forgerons*. [The Blacksmiths]. 1841. Bruxelles. 131 p.
28. Stanford, J. A. *Responding to Literature*. 4th ed., New York: McGraw Hill, 2003, 1204 p.
29. Szulmajster-Celnikier, A. Représentations et imaginaires parisiens : réanalyse, métaphore, figement analytique. [Parisian representations and imaginaries: reanalysis, metaphor, analytical freezing]. *Linguistics*, 46 (1), 2010, 121-152.
30. *TLFi* [Treasure of the French Language], available at: <http://www.atilf.fr/tlfi> (Accessed 8 January 2022).
31. Toury, G. *Descriptive translation studies and beyond*, J. Benjamins, Amsterdam, the Netherlands, 2012, 350 p.
32. *Un héros de notre temps. Au bord de la Néva. Contes russes*. [A Hero of our Time. On the banks of the Neva. Russian tales. Translated by X. Marmier]. Paris: Lévy, 1856, p. 5-208.
33. *Un héros de notre temps. Récits. Béla. Maxime Maximitch. Taman. La Princesse Marie. Le Fataliste. Le Démon, poème oriental*. Trad. de A. de Villamarie [A Hero of Our time. Stories. Bela. Maxim Maximitch. Taman. Princess Mary. The Fatalist. The Demon, oriental poem. Translated by A. de Villamarie], Paris : Librairie parisienne E. Giraud, 1884 [Paris : P. V. Stock, 1904], XII, 355 p.
34. *Un héros du siècle ou Les Russes dans le Caucase*. Trad. de A.A. Stolipine. [A Hero of the Century or The Russians in the Caucasus. Translated by A. Stolypine], 1843. *La Démocratie pacifique*, Paris, Sept. 29 – Nov. 4.
35. Van den Broeck, R. The Limits of Translatability Exemplified by Metaphor Translation. *Poetics Today*, 1981, 2 (49), 73-78.

Сведения об авторе:

Соловьева Евгения Анатольевна – кандидат филологических наук, преподаватель кафедры романской филологии Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации, Южный федеральный университет. ORCID: 0000-0001-8796-6059

E-mail: e_rossignol@mail.ru

About the author:

Eygeniya A. Solovyova, Cand. Sci. (Philology), is Lecturer at the Department of Romance Philology, Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication, Southern Federal University. ORCID: 0000-0001-8796-6059. E-mail: e_rossignol@mail.ru

* * *